

Д. И. ОРТЕНБЕРГ

Сорок третий: Рассказ-хроника

<Фрагменты>

<...>

У Константина Симонова есть такая запись беседы с Г. К. Жуковым, сделанная по моей просьбе:

«Однажды полушутя-полусерьезно, обратившись к двум присутствовавшим при нашем разговоре людям, Сталин сказал:

— Что с вами говорить? Вам что ни скажешь, вы все: «Да, товарищ Сталин», «Конечно, товарищ Сталин», «Совершенно правильно, товарищ Сталин», «Вы приняли мудрое решение, товарищ Сталин». Только вот один Жуков спорит со мной...»

А эти «присутствовавшие», которым Сталин дал такую унижительную характеристику, как я узнал, были Маленков и Щербаков. Так вот, к имени Жукова, спорившего иногда со Сталиным, можно было безошибочно присоединить и Хрулева.

Вернусь, однако, к звонку Андрея Васильевича. Размещалось Управление тыла через дорогу от редакции, и я сразу появился у него. В кабинете на длинном столе увидел разложенные в два ряда погоны. «К чему это?» — удивился я. Погоны у моего поколения ассоциировались с царской и белой армиями. В годы гражданской войны была даже такая уничижительная кличка, отражавшая наше отрицательное отношение к ним: «Золотопогонник»!

— Вот будем вводить в армии погоны...

И Хрулев рассказал историю этого нововведения. Еще в начале сорок второго года Сталин вызвал Хрулева и сказал, что надо как-то выделить гвардейские части особой формой одежды. Интенданты быстро подготовили несколько образцов и доставили в Кремль. Там посмотрели и пришли к выводу, что если эту фор-

му станут носить только гвардейцы, то как же будут выглядеть остальные? Решили от особой формы для гвардейцев отказаться, но ввести погоны для всей армии.

Однако вскоре Сталин потерял к ним интерес. Дело тянулось, и конца не видно было. Когда же Хрулев в очередной раз напомнил о них Сталину, тот стал его упрекать: «Почему вы пристаёте с этими погонами?» Затем сказал, чтобы ему принесли их образцы. Сразу же взялись за дело художники и мастера. Предложили несколько вариантов: кое-что заимствовали из армейской формы разных стран, кое-что сами смастерили. Принесли Сталину. Он посмотрел и совершенно неожиданно спросил у стоявшего рядом с ним А. М. Василевского:

— Товарищ Василевский, покажите, какие погоны вы носили в старое время?

Смутился Александр Михайлович. Он был штабс-капитаном, но откуда ему теперь взять погоны, да еще не столь большого чина? Словом, Сталин дал поручение интендантам:

— Покажите погоны, что были у царя.

Раздобыли погоны где-то в музеях, отыскивали ветеранов, служивших в старой армии. Сталин посмотрел и позвонил Калинин, попросил его зайти, и между ними состоялся любопытный разговор, который Андрей Васильевич потом пересказал:

«— Вот, товарищ Калинин, Хрулев предлагает нам восстановить старый режим.

Калинин, не торопясь, посмотрел на образцы и сказал:

— Видите ли, старый режим помним мы с вами, а молодежь его не помнит. А если эта форма нравится молодежи и может принести пользу в войне с фашизмом, то эту форму следует принять.

Сталин быстро отреагировал, воскликнув:

— И вы, товарищ Калинин, за старый режим?»

Калинин вновь повторил, что он не за старый режим, а за ту пользу, которую новая форма может принести в борьбе с врагом¹. Вероятно, заключил Андрей Васильевич, наша настойчивость и поддержка Калинина возымела на этот раз свое действие, и решение о введении погон было принято. Указ будет опубликован завтра...

Вскоре через ТАСС были получены материалы для опубликования в завтрашнем номере газеты. Разместились они на двух полосах. На первой — Указ Президиума Верховного Совета о введении новых знаков различия в армии, описание погон и их фотографии;

на первой полосе — маршалов и генералов, на второй — офицеров и рядового состава. А когда принесли оттиски полос для подписи, снова мне позвонил Хрулев и сказал, что Сталин хочет посмотреть, как в газете будут выглядеть материалы о погонах и что надо ехать в Кремль.

Захватив еще влажные полосы, мы с Андреем Васильевичем отправились в Кремль. Нас сразу же пригласили в кабинет Сталина. Я разложил на столе полосы «Красной звезды», Сталин стал смотреть фотографии погон, перечитал Указ. Потом разглядывал вторую полосу. Наконец стал читать передовую.

— Погоны — это не только украшение, а и порядок и дисциплина. Скажите об этом.

Подумав, что будут еще замечания, и не надеясь на свою память, я полез в карман за карандашом. Как назло, не взял с собой.

На столе тоже не было. Сталин держал в руках длинный отточенный красный карандаш, и не знаю, как это получилось, я выдернул из его рук и стал записывать замечания. Напротив за столом сидели Молотов и Берия. Вячеслав Михайлович сухо улыбнулся, Берия же бросил на меня злой, осуждающий взгляд. Я же к этому отнесся спокойно, разве я знал, какой вурдалак передо мной? А Сталин продолжал:

— Надо сказать, что погоны не нами придуманы. Мы наследники русской воинской славы. От нее не отказываемся...

Записал я и эту фразу. Пока Сталин рассматривал газету, принесли полосы «Правды» и «Известий». В этих газетах все материалы о погонах, в том числе и фотографии, были размещены на внутренних полосах. Я же считал, что это большое событие для армии и страны и начинать материал надо с первой полосы. Сказал об этом. Сталин согласился и тут же поручил мне передать в ТАСС, чтобы по примеру «Красной звезды» сверстали и другие центральные газеты. Это я охотно сделал, а кроме того, не отказал себе в удовольствии позвонить редакторам «Правды» и «Известий»:

— Придется вам, друзья, ломать полосы...

Возвращая мне полосы, Сталин бросил реплику:

— Разговоров завтра будет!..

Видно, он и сам загорелся этим делом...

В редакции я внес поправки. А наши историки нашли еще для передовой статьи примечательные слова М. В. Фрунзе о внешнем виде и дисциплине в Красной Армии: «...у нас нередко наблюдается отношение к воинской выправке, дисциплине строя, внешнему по-

рядку, как к чему-то вредному, нереволуционному и ненужному. Это — абсолютная чепуха. Внутренняя сознательная дисциплина должна обязательно проявиться и во внешнем порядке». Успели поставить заранее подготовленную нами трехколонную статью «О мундире и погонах».

Хочу рассказать еще об одной «вольности», которую я допустил в кабинете Сталина. Когда он рассматривал полосы, открылась входная дверь и я увидел А. С. Щербакова. Он почему-то остановился у самых дверей и стоял там чуть ли не на вытяжку, видимо, ожидал приглашения. И вдруг у меня вырвалось: «Здравствуйте, Александр Сергеевич!» Несколько смущенно он подошел к нам. Поздоровался. Руку Сталин ему не протянул. Позже я подумал, что поступил не совсем тактично, но вместе с тем меня не покидало недоумение: Щербаков, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК и МК партии, начальник Главпура, почему-то не решился сразу подойти к Сталину. И лишь спустя много лет, когда я прочел тот самый рассказ Жукова, который привел чуть раньше, мне стали ясны взаимоотношения Сталина и его «коллег». Понял я также и другое. Не раз мы, редакторы центральных газет, ставили перед Щербаковым острые вопросы, требовавшие согласия Сталина, но Александр Сергеевич не докладывал ему, а вдруг невпопад!

Должен сказать, что, если бы я тогда хоть в какой либо степени знал о злодеяниях Сталина, вряд ли осмелился бы так свободно вести себя в его кабинете. Но тогда мы хотя и побаивались его крутого нрава, но все-таки считали, что он человек...

<...>

Должен сказать, что наш редакционный коллектив располагал кадрами достаточно опытных военных журналистов, серьезно подготовленных и в области тактики, и в оперативном искусстве, а главное — способных смело глядеть вперед. Их хорошо знали и высоко ценили и в войсках, и в самой Ставке Верховного Главнокомандования, и в Генеральном штабе. Тому свидетельством один из эпизодов.

Однажды я зашел к Ф. Е. Бокову. Он, как я уже говорил, был весьма осведомленным человеком, часто общался со Сталиным, особенно в те дни и недели, когда начальник Генштаба Василевский находился в командировке. Я почти ежедневно к нему заглядывал и узнавал многое полезное для газеты. На этот раз не успел я сесть, как он объявляет:

— Вовремя ты появился: только что звонил Сталин. Он сказал, чтобы в редакции «Красной звезды» прочитали новый Боевой устав пехоты. Вот тебе верстка — выполняй приказание Верховного.

В этом важном документе суммировался передовой опыт первых лет войны². Над разработкой проекта нового Устава трудилась группа офицеров во главе с генерал-майором П. П. Вечным. Сталин все время держал ее деятельность в поле своего зрения. Когда уже подготовленный Воениздатом к печати окончательный текст Устава был ему представлен, Сталин, то ли обнаружив в нем какие-то шероховатости, то ли понимая, что в вопросах тактики он полный неуч и боясь подписать непонятный ему документ, решил проверить своих генштабистов и приказал послать верстку в «Красную звезду».

Это поручение мы постарались выполнить как можно лучше. Из числа наших военных специалистов в редакции было создано три группы. К ним подключили еще и стилистов, освободив на время от всех иных редакционных дел. Три дня до глубокой ночи вычитывалась или, как говорят газетчики, «вылизывалась» каждая строка Устава, и только на четвертый день я принес его Бокову.

В верстку Устава нами было внесено более ста поправок. Только я успел о них рассказать, звонит Сталин:

— Как там с Уставом? — спросил Верховный. — Прочитали его в «Красной звезде»?

Боков доложил:

— Редактор у меня. Замечаний много, более ста...

Что-то Сталин сказал Бокову, видно резкое, Боков даже изменился в лице.

— Сталин сказал, — объяснил он мне, — арестовать виновных...

Откровенно говоря, я подумал, что Сталин в веселую минуту просто-напросто пошутил. Но когда Боков принес ему верстку Устава с нашими замечаниями, он рассвирепел и хотел если и не арестовать, то строго наказать «виновных». Но вмешался Василевский. Какой разговор у него был со Сталиным, не знаю. Наказан никто не был, а наши замечания были рассмотрены и учтены. А мог ли Сталин арестовать их? Все могло быть...

<...>

Все эти дни печатаются главным образом материалы тактического характера. В связи с этим возникла одна неожиданная проблема.

На днях был опубликован приказ Сталина, посвященный 25-й годовщине Красной Армии, — об этом я уже упоминал. Есть там такая характеристика немецкой армии: «Их стратегия дефективна, так как она, как правило, недооценивает сил и возможностей противника и переоценивает свои собственные силы. Их тактика шаблонна, так как она старается подогнать события на фронте под тот или иной параграф устава. Немцы аккуратны и точны в своих действиях, когда обстановка позволяет осуществлять требование устава. В этом их сила. Немцы становятся беспомощными, когда обстановка осложняется и начинает не соответствовать тому или иному параграфу устава, требуя принятия самостоятельного решения, не предусмотренного уставом. В этом их основная слабость».

И вот в явном противоречии с этим приказом мы публикуем статьи, показывающие, как под ударами наших войск в связи с меняющейся обстановкой немцы как раз и меняют свою тактику. Должен сказать, что мы в эти дни пытались разъяснить этот тезис приказа, но ничего у нас не получилось. Был у меня разговор на эту тему с Г. К. Жуковым. Он мне сказал, что отношения к приказу не имеет, быть может, кто-то подсунул Верховному этот тезис? А может быть, Сталин сам это сделал? Но если в стратегии войны, по словам Жукова, Верховный понемногу стал разбираться, то в области тактики оставался неграмотным.

Отзываться уничижительно о тактике врага — значит неправильно ориентировать наши кадры, размагничивать их. Это не только недооценка врага, но и неверная оценка самих себя. Нам приходится воевать не со слабым, а с сильным противником, владеющим искусством ведения боя. Этих позиций мы старались в газете придерживаться и ныне.

<...>

В предыдущей книге³ я уже рассказывал, что Сталин запрещал печатать некрологи и объяснял более чем странные мотивы этого запрещения. Прорывались на страницы газеты только некрологи, подписанные Жуковым, Василевским, Мехлисом и однажды Василием Сталиным. При гибели наших корреспондентов мы брали на себя смелость и, никого не спрашивая, публиковали свои редакционные некрологи. И конечно, о Панине надо было тоже сказать, но по существовавшему тогда заскорузлomu правилу этого не сделали — все же разные у них были погоны. Пуля или снаряд не выбирают свои жертвы, смерть как будто бы должна всех уравнивать. А вышло — все-таки не всех.

<...>

В сегодняшнем номере газеты опубликована большая, на подвал, статья Денисова «О воздушной тактике немцев». С первых же ее строк опытный читатель поймет, что автор опровергает несостоятельное утверждение февральского приказа Сталина о якобы шаблонной тактике немцев. Статья убедительно свидетельствует, что в тактике врага происходят большие изменения. Вот один из примеров, приведенных Денисовым:

«...Наряду с вертикальным маневром в его чистом виде немцы в последнее время стали прибегать к комбинированному бою. Идея его заключается в том, что часть «мессершмиттов», якобы обороняясь, старается вовлечь наши самолеты в «карусель», то есть в бой на виражах. В это время другая часть истребителей, разбившись на пары, непрерывно атакует наши самолеты. В эту ударную группу обычно входят две пары из самых опытных, бывалых летчиков. Одна пара держится сверху, нанося удары с пикирования, и тотчас же после атаки занимает старую позицию, а другая пара находится на одной высоте с центром очага боя и атакует в горизонтальной плоскости...»

В заключение Денисов предупреждает, что было бы ошибкой считать, как это делают порой наши летчики, что немец в воздухе теперь уже не тот и драться с ним легче.

Словом, сказано весьма определенно и точно. Важное выступление и полезное еще и потому, что приказ Сталина мог размагнитить людей, в то время как нужно тщательно изучать тактику врага, видеть перемены и искать пути для того, чтобы противопоставить ей свою тактику.

<...>

наш спецкор вскрыл серьезнейшие безобразия в жизни войск, в работе управленческих кадров. На заседании Государственного Комитета Обороны Сталин так и сказал: «Никто нам не сигнализировал, ни командующие, ни члены Военных советов, ни особисты. Вот только корреспондент “Красной звезды” сказал правду». Наверное, надо было бы это отметить в постановлении ГКО хотя бы такими словами: «Комиссия ГКО, проверив сигнал корреспондента “Красной звезды”, установила...» Почему же это не было сделано? Думаю, что Сталин и здесь остался верен себе. Зачем, мол, об этом упоминать, еще, боже упаси, подумают, что ГКО и Верховный не знают, что делается в войсках. А так получилось, что бдительность и заботу о воинах проявил сам Сталин или ГКО, который он же возглавлял.

Даже само постановление редакция получила не из ГКО. Его мне дал на сутки по старой дружбе Хрулев. И еще. Трудно понять, почему сама комиссия ГКО не посчитала нужным поговорить с нашим спецкором? Ведь и самой комиссии не было бы, если бы не сигнал корреспондента. Могли бы даже для пользы дела взять его с собой на Калининский фронт! Что, посчитали ниже своего достоинства иметь дело с обыкновенным журналистом, генералы — с капитаном?

Признаюсь, в ту пору мы над этим не задумывались, не до того было. А ныне многое предстает в ином свете.

<...>

Как-то во время одной из встреч с Борисом Полевым уже после войны заговорили мы о Василии Ильенкове.

— А первым-то написал о Маресьеве не я, а Василий Павлович. Приоритет за ним, — сказал Полевой.

Но если быть совсем точным, надо сказать, что, хотя Ильенков первым опубликовал в «Красной звезде» рассказ о подвиге Маресьева, открыл его все же Полевой. Борис Николаевич находился в истребительном полку в тот день, когда Маресьев сбил два вражеских самолета, ночевал у него в землянке, записал его рассказ о пережитом. Полевой послал в «Правду» целую полосу, посвященную герою. Но когда писатель вернулся в Москву, редактор «Правды» П. Н. Поспелов показал ему сверстанную полосу о Маресьеве. На ней рукой Сталина (Поспелов зачем-то послал ему этот очерк) было написано, что сейчас, когда Геббельс кричит, будто бы в России истощены резервы и в бой бросают стариков и инвалидов, этот материал может оказаться на руку вражеской пропаганде. Пусть полежит...

Так полоса не увидела свет, а о подвиге Маресьева — «Повесть о настоящем человеке» — Полевой, как известно, написал уже после войны.

<...>

Другие официальные сообщения: «Наша авиация дальнего действия произвела массированные налеты на железнодорожные узлы Гомель, Минск, Орша, Брянск и на склады боеприпасов в этих городах. К моменту налета эти железнодорожные узлы были забиты немецкими эшелонами с войсками, боеприпасами, танками, автомашинами, составами с горючим. В результате бомбежки наблюдались большие пожары и взрывы железнодорожных составов и складов с боеприпасами и горючим». В других сводках сообщалось о налетах на Брест, Днепропетровск, Кременчуг, Ялту.

О них мы своих материалов не давали — ни репортажей, ни корреспонденции. Почему? Конечно, важно было громить врага, где бы он ни находился. Но он находился еще в наших городах, где жили наши советские люди. Все ли успели во время бомбежек укрыться в погребах, подвалах? Бомбардировка — не снайперский выстрел точно в цель. Отклонения от цели — иногда меньше, иногда больше — нередко случались даже у самых опытных летчиков. Не исключено, что гибли и наши люди.

В связи с этим не могу не вспомнить приказ Сталина от 17 ноября 1941 года. Хотя он был подписан в самые критические дни битвы за Москву и идея его состояла в том, чтобы создать для немцев «зону пустыни», читать его было страшно. Сталин приказал «разрушать и сжигать все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 километров в глубину переднего края и на 20–30 километров вправо и влево от дорог. Для этого бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, бросить команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы...»

Я как раз был у Жукова, когда ему принесли этот приказ, и видел, как он поверг Георгия Константиновича буквально в шок. Это был один из тех приказов Сталина, которые не выполнялись. Рука не подымалась у наших людей, чтобы совершить такое злодейство, если даже оно было бы во вред немцам!

А с налетами нашей авиации на базы немецкой армии что можно было сделать? Горькая, но неумолимая действительность войны. Как об этом писать?

<...>

В начале войны наша мотопехота еще не была одним из главных родов войск, как, скажем, кавалерия в годы гражданской войны. Может быть, поэтому некоторые военачальники еще жили старыми представлениями, переоценивая в эту войну роль кавалерии. Жизнь показала, что кавалерийские корпуса и дивизии, воевавшие в Отечественную войну, действовали уверенно, доблестно, но не решали судьбу крупных операций. Любопытный факт завышенной оценки возможностей кавалерии: командующий Закавказским фронтом генерал армии И. В. Тюленев, старый конник, обратился к Сталину с предложением сформировать конную армию. Как рассказывал мне генерал Ф. Е. Боков, Верховный ухватился за эту идею, посчитал ее соблазнительной. Однако Генштаб решительно ее отверг, и Сталин вынужден был с этим согласиться.

<...>

Известно, что праздничные газеты особенно густо были переполнены бесконечными славословиями Сталина. В этом же праздничном номере «Красной звезды» даже не упоминается имя «великого» и «мудрого». Оно фигурирует лишь на первой полосе, и то в подписи под приказом Верховного Главнокомандующего.

В связи с этим должен сказать, что в первые месяцы войны имя Сталина редко упоминалось в печати. Сказалось, видимо, наше поражение. В народе не могли не думать об ответственности Сталина. Настораживало и то, что он только через две недели после начала войны выступил с речью. Да и он сам вряд ли в те дни думал о том, в должной ли мере курится ему фимиам, как говорится, не до жиру, быть бы живу. Он старался свалить на кого-то ответственность за провалы, отыскивал козлов отпущения. Напомню о его приказе расстрелять командующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова, начальника штаба фронта Климовских — вот, мол, главные виновники всех наших бед.

Вспоминается такой характерный эпизод. В день введения в Москве осадного положения в октябре сорок первого года мне позвонил Сталин и сказал:

— Напечатайте в завтрашней газете фотографию Жукова.

Это распоряжение было для меня полной неожиданностью. До сих пор в «Красной звезде» публиковались снимки командиров подразделений, частей, дивизий, иногда корпусов, но всегда в связи с какой-то боевой удачей. А чтобы фото командующего фронтом, да еще в кризисные дни отступления войск фронта...

Портрет Жукова на две колонки мы, понятно, напечатали. В ту пору я думал, что звонок Сталина последовал неспроста. Портрет Жукова в нашей газете, очевидно, должен был свидетельствовать, что во главе войск, защищающих Москву, поставлен полководец, на которого народ и армия могут положиться. Возникли у меня и другие мысли, связанные с отставкой Георгия Константиновича с поста начальника Генштаба. Конечно, думал я, тот летний инцидент не мог не оставить горького осадка в душе Жукова. И Сталин, как мне казалось, понимал это. И не исключено, что в многотрудный час битвы за Москву Верховный захотел дать понять Георгию Константиновичу: на том конфликте поставлен крест.

Спустя много лет после войны во время одной из встреч с Георгием Константиновичем я как-то, вспомнив историю с опублико-

ванием его портрета, высказал свои соображения того, военного времени. Он ответил:

— Наивный ты человек. Сталин не раз мне звонил и все спрашивал: удержим ли Москву? И хотя я его убеждал, что не сдадим столицу, уверенности у него в этом все же не было. Он и подумывал, на кого бы в случае поражения взвалить вину. Вспомни историю с генералом Павловым...

После сталинградской победы снова началось славословие, теперь уже не только по адресу «мудрого вождя», но и «выдающегося полководца».

<...>

